

Исследовательская статья

УДК 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-79-95>

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РЕФОРМА 1918 г.: СОЗДАНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СЕТИ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО И СТУДЕНЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Андрей Аркадьевич Щелчков

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

sch2000@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-7780-781X>

Аннотация. Преобразование университетской системы в Латинской Америке, начатое реформой в Аргентине в 1918 г., знаменовало начало периода демократизации и модернизации общества. Университетская реформа стала результатом упорной и драматической борьбы студентов против клерикально-аристократических порядков в аргентинских университетах. Идеологически движение базировалось на радикальном антиклерикализме, на идеях конфликта поколений, особой роли молодёжи, культуртрегерстве, на концепции ариелизма Э. Родо. Студенческое движение, поддержанное прогрессивной интеллигенцией и левыми политическими партиями,

создало целую сеть контактов с другими странами континента, которая показала свою высокую эффективность в распространении идей, политических программ и форм борьбы. Эта способность низовых движений интеллигенции создавать трансграничные сети влияния и активизма вполне актуальны сегодня и не только в Латинской Америке. Благодаря этому реформа распространилась с различными результатами, где-то очень успешно, а где-то встретив яростное сопротивление, по всему континенту. Дальнейшая идейная эволюция движения и его лидеров привела к появлению новых идейно-политических течений, таких как революционный национализм, ставших доминирующим политическим трендом в Латинской Америке в XX в. Распространение революционного национализма, главным идеологом которого был студенческий лидер в Перу В.Р. Айя де ла Торре, опиралось на ту же сеть молодёжных структур, которые привели к распространению движения за университетскую реформу. Движение реформы привело также к возникновению объединения интеллигенции «Латиноамериканский союз», тесно связанного с рабочим движением. Университетская реформа была не только политическим, но и культурным феноменом, ознаменовавшим глубокие перемены в латиноамериканском обществе, выбравшем путь модернизации всех сфер жизни.

Ключевые слова: университетская реформа, индоамериканизм, латиноамериканизм, студенческое движение, Кордова, Аргентина, социальная революция

Для цитирования: Щелчков А.А. Университетская реформа 1918 г.: создание континентальной сети научно-просветительского и студенческого сообщества в Латинской Америке // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5, № 4. — С. 79–95. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-79-95>

Research article

UNIVERSITY REFORM OF 1918: ESTABLISHMENT OF THE CONTINENTAL NETWORK OF SCIENTIFIC, EDUCATIONAL AND STUDENT COMMUNITY IN LATIN AMERICA

Andrey A. Schelchkov

Institute of World History of Russian Academy of Science, Moscow, Russia
sch2000@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-7780-781X>

Abstract. The transformation of the university system in Latin America, initiated by the reform in Argentina in 1918, marked the beginning of a period of democratization and modernization of society. The university reform was the result of a stubborn and dramatic struggle of students against the clerical-aristocratic order in the universities of Argentina. Ideologically, the movement was based on radical anti-clericalism, on the ideas of the conflict of generations, the special role of the young, on the *Kulturtraegerism*, on the concept of *Arielism* — a term coined by Enrique Rodo. The student movement, supported by progressive intellectuals and left-wing political parties, almost from the point of its inception, created a network of contacts and solidarity with other countries of the continent, which showed its high efficiency in disseminating ideas, political programs, and forms of struggle. This ability of the intellectual movements to create cross-border networks of influence and activism is relevant today and not only in Latin America. Thanks to this, the reform spread throughout the continent with various and sometimes contrary results, somewhere very successfully, and somewhere met with fierce resistance. The further ideological evolution of the movement and its leaders led to the emergence of new ideological and political currents, such as revolutionary nationalism, which became the dominant political trend in Latin America in the 20th century world. The spread of revolutionary nationalism, the main ideologist of which was the student leader in Peru, Victor Raul Haya de la Torre, relied on the same network of youth structures that led to the spread of the movement for university reform. The reform movement also resulted in the emergence of powerful left-wing movements of the intellectuals, such as the Latin American Union, closely associated not only with the student movement, but also with the labor movement. University reform was not only a political, but also a cultural phenomenon that marked a profound change in Latin American society, which chose the path of modernization of all spheres of life. This work is devoted to the study of this process.

Keywords: University Reform, Indo-Americanism, Latinoamericanism, Student Movement, Córdoba, Argentina, Social Revolution

For citation: Schelchkov, A. A. (2021) 'University Reform of 1918: Establishment of the Continental Network of Scientific, Educational and Student Community in Latin America', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(4), pp. 79–95. (In Russian). doi: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-79-95>

Университетская реформа 1918 г. занимает важное место в развитии политических институтов и гражданского общества не только в Аргентине, но и на всем континенте. С её началом практически все страны континента вступили в эпоху демонтажа олигархического государства, демократизации, включения средних слоев в политические процессы. Как писал историк и публицист, представитель аргентинских «новых левых» Оскар Теран: «Студенческо-политическое движение, начатое в Кордове в 1918 г. и получившее общеконтинентальное признание, сумев распространиться на все латиноамериканские страны; идеи Реформы, конгрессы движения и публикации создали общеконтинентальное движение столь успешное в XX в., что пришлось ждать кубинскую революцию, чтобы иметь возможность сравнить ее по своим последствиям для Латинской Америки» [Terán, 2004: 44].

Это было первое в истории континента активное и мощное выступление на общественно-политической сцене студенчества и интеллектуалов, игравших всё более заметную роль в политике. Как отмечал Э. Хобсбаум: «Краткий двадцатый век революций и идеологических войн стал эпохой политической вовлеченности интеллектуалов» [Хобсбаум, 2017: 240]. Движение за Университетскую реформу в первую очередь было движением интеллигенции, а уж потом студентов, составивших его ударную силу и обеспечивших преемственность политических идей и задач на многие десятилетия. В изучении подобных явлений на границе интеллектуальной и социальной истории наибольшую пользу исследователю может дать обращение к методологии исторической и социальной антропологии, теории символического капитала и социального поля.

В преобразовании университетской системы Латинской Америки, прежде всего

Аргентине, принадлежит пальма мирового первенства реформирования высшего образования и автономии университетов. Университетская реформа хронологически совпала с влиянием на латиноамериканское общество таких всемирных событий как Мировая война, Русская революция 1917 г., и имевшая огромное значение для континента Мексиканская революция, предложившая свой вариант решения острых социальных и политических проблем. Идеолог аргентинского движения за реформу Хулио Гонсалес, рассуждая о причинах и побудительных событиях, предвзвешив взрыв в студенческой среде Аргентины, отмечал, что Мировая война, Русская революция и приход к власти реформистского правительства Радикальной партии во главе с Иполито Иригойеном «являются тремя ключами, которым открывается дверь правды» Университетской реформы [Tünnermann Bernheim, 1998: 105].

Университетская реформа была начата в Аргентине в 1918 г., и затем подобное движение распространилось на все страны региона. Процессу Университетской реформы в Аргентине посвящено большое число фундаментальных работ, хотя в нашей стране эта тема не привлекала внимания историков. Задачей данного текста является не столько анализ хода и характера событий 1918 г. в Аргентине, сколько исследование процесса распространения движения за реформу по континенту, форм и содержания функционирования сети студенческих организаций, сделавшей этот процесс синхронным и всеобщим во всех странах континента.

В Латинской Америке движение студентов за демократизацию системы высшего образования возникло в начале XX в. В Чили на рубеже веков была создана Студенческая федерация (FECN), декларировавшая свою связь с либеральными и социалистическими идеями. В Федерации

говорили о «расширении университета»: речь шла о движении студентов за демократизацию доступа к высшему образованию, в том числе и выходцев из народных масс, о ликвидации кастовой замкнутости высшей школы. Чилийские студенческие организации первыми на континенте обратились к «социальному (рабочему) вопросу», заявляя о солидарности с борьбой пролетариата. Они ставили перед собой задачу помочь рабочему классу в его самоорганизации в профсоюзы и общества взаимопомощи¹. В Чили тесная связь с рабочим движением была отличительной чертой движения, но и в других странах студенты видели именно в рабочих своих естественных союзников в борьбе за демократизацию и реформы.

В соседних с Чили Аргентине и Уругвае студенческое движение стало самостоятельной политической силой также в первые годы XX в. В Буэнос-Айресе в 1903 и 1906 гг. студенты проводили забастовки против института пожизненных академических постов. В Уругвае с конца XIX в. действовала Ассоциация студентов, выступавшая за демократизацию внутреннего устава университета. В 1908 г. в Монтевидео прошёл первый конгресс американских студентов [Бустело, 2021: 186–187]. В эти годы формировалась сеть взаимодействия студенческих групп и организацией стран региона. 1918 г. стал ключевым в истории латиноамериканского университета. События в провинциальном аргентинском университете в Кордове вызвали к жизни мощное демократическое движение в континентальном масштабе.

Накануне движения

В начале XX в. в Аргентине число студентов выросло с 3 тысяч человек в 1900 г. до 14 тысяч в 1918 г. [Historia de América Latina, 1992: 100]. Кордовский университет была самым старым в стране (основан иезуитами в 1617 г.). В Кордове преобла-

дали клерикально-традиционалистские устои университетского образования. Церковные иерархи оказывали существенное влияние на ректорат, строго следили за недопущением к преподаванию материалистических теорий, осуществляли контроль за возможным свободомыслием преподавателей. В отличие от Буэнос-Айреса и Ла-Платы, где также были университеты, и где под влиянием либеральных настроений местных элит в 1903 и в 1906 гг. были проведены некоторые реформы, отменившие самые архаичные правила, как например, пожизненные должности на кафедрах, в Кордове, казалось, по-прежнему царят порядки колониального периода и католической контрреформы [Portantiero, 1978: 31]. С начала XX в. клерикально-традиционалистские порядки, царившие не только в Кордовском университете, но и в самом городе, вступали в конфликт с прогрессивными настроениями новой волны студенчества, происходившего из средних слоев, чаще всего выходцев из европейских стран, что было следствием массовой миграции. Дети иммигрантов, воспитанные в более свободомыслящей атмосфере, столкнулись почти со средневековыми порядками и отсталыми формами обучения, утвердившимися в Кордове, что, собственно, и объясняет остроту конфликта именно в университете этого города.

В Кордове сложилась специфическая идейная атмосфера. С одной стороны, профессура и ректорат состояли из клериков и примитивных креационистов, видевших в доминировавшем позитивизме безбожный материализм, недопустимый в университете. С другой, в среде студентов и прогрессивных интеллигентов позитивизм постепенно уступал место спиритуализму, феноменологии, критике позитивизма с позиций чрезвычайно популярного тогда, хотя и довольно поверхностного, уругвайского эссеиста Энрике Родо², в работах которого утверждалась идея поколенческого конфликта как двигателя прогресса, твор-

¹ Vigorena Rivera A. El problema social // Juventud. — 1918. — Julio-agosto (№ 1). — P. 37.

² Идеи Родо получили название ариэлизм, так как в своих работах в качестве образа обращался к Шекспировской «Буре», где в образах пьесы выводил противостояние утилитарной англо-саксонской культуры и греко-латинской,

ческой роли и воли к социальным изменениям, присущим молодёжи. Его идеи были подхвачены популярным среди студенчества Мануэлем Угарте, который призывал сочетать призыв к молодёжи Родо с критикой старой олигархии и империализма, с солидарностью всех народов континента в борьбе с архаичными структурами [Моуано, 2018: 123]. Идейное обновление в первые десятилетия XX в., бунтарские настроения студенчества создавали обстановку нетерпимости к архаике и абсолютизму власти ректората, способствовали созданию климата непримиримости и революционной нетерпимости в университете и среди поддерживавшей студентов интеллигенции. Союзниками и единомышленниками студентов была либеральная профессура, ограниченная в выборе тематики и концепций обучения.

Движение в Кордове

Движение началось с малозначительного конфликта студентов-медиков из-за закрытия интерната студентов при госпитале. Их частный протест вылился в общее движение против правил и авторитарного управления в университете. К медикам присоединились другие факультеты³. 10 марта 1918 г. прошла первая массовая манифестация, и студенты создали «Комитет за реформу». Комитет призвал студентов к бессрочной забастовке и обратился за поддержкой к студентам других университетов. В ответ ректорат закрыл университет, но студенты не подчинились. Хаос и беспорядки не только в университете, но и в городе вызвали вмешательство центральных властей, то есть реформистского правительства И. Иригойена.

Требования студентов включали в себя самоуправление университетов и реформу

системы обучения. Особенно они критиковали непотизм университетских властей, старые практики назначения на должности на кафедрах родственников и друзей ректора. Одним из требований была свобода преподавания (лозунг так называемой «свободной кафедры»), то есть возможность обучающего выбирать тематику и концепцию изложения. Свобода студента состояла в том, чтобы иметь право выбирать тех или иных преподавателей, иметь свободу посещения курсов⁴. Это требование входило в повестку дня студенческих организаций в предыдущие года. Свобода преподавания состояла в том, что профессорские должности могли замещаться знающими профессионалами по конкурсу, а не близкими начальников, и выбор должен был зависеть от мнения обучаемых. Представитель созданной Студенческой федерации Кордовы на митинге в Буэнос-Айресе говорил: «Наша профессура апатична, нельзя любить то, чего не знаешь. Их привлекает не наука, а высокая зарплата. Их надо изгнать как торговцев из храма»⁵. Тирания и отсталость университетских порядков были в центре негодования студентов. В ответ на закрытие университета и репрессии против активистов в своём первом манифесте студенты громко заявляли о «своём священном праве на восстание» [Cúneo, 1980: 4].

Студенты называли университет Бастилией, феодальной тюрьмой, которой противостоял «научный либерализм, руководящий действиями молодёжи» [Portantiero, 1978: 37]. Один из студенческих руководителей Г. де Масо говорил, что они питаются надеждой, что их движение, начатое в Кордове, превратится в широкое либеральное движение обновления национальной жизни⁶. С самого начала движение в Кордове превратилось в заметный фактор в политической жизни страны.

что в глазах бунтующего студенчества приобретало антиимпериалистическое содержание. Ариэлизм отражал элитизм интеллигенции и студенчества, описывающего шекспировский конфликт Просперо и Калибана как угрозу прихода эпохи власти масс, противостоящих культуре, духовной жизни, но естественных в своём противостоянии архаике и косности аристократии-олигархии, противостоящей просвещённому духу Ариэля.

³ Antecedentes del conflicto universitario cordobés // Boletín de la Federación Universitaria. — 1918. — Marzo (№ 3). — P. 34.

⁴ Mazo G. Libertad de enseñar, libertad de aprender // Boletín de la Federación Universitaria. — 1917. — Noviembre (№ 1). — Pp. 3-4.

⁵ Del señor Horacio Valdés // Boletín de la Federación Universitaria. — 1918. — Abril (Suplemento №3). — P. 59.

⁶ IBID, p. 60.

Весь 1918 г. в Кордове прошёл под аккомпанемент манифестаций, забастовок студентов, ставших большой политической проблемой. Правительство радикалов поддержало студентов, чье движение вполне вписывалось в политику демократизации и реформ президента И. Иригойена и его Партии радикалов (Гражданский радикальный союз – UCR). 11 апреля 1918 г. делегация студентов была принята президентом Иригойеном, который продемонстрировал свои симпатии студентам в их конфликте с ректоратом⁷. В тот же день президент направил интервентора (представителя центральной власти с правом замещения местных властей) с самыми широкими полномочиями. Радикалы, пришедшие к власти в 1916 г., видели в студентах союзников в противостоянии с консерваторами, что побудило их поддержать реформу. Студенты самоорганизовались в Аргентинскую университетскую федерацию (FUA). Она была учреждена в тот же день, когда Иригойен подписал декрет о вмешательстве центральных властей в кордовский конфликт. FUA была создана в Буэнос-Айресе на собрании представителей пяти университетов страны: Буэнос-Айреса, Ла-Платы, Кордовы, Санта-Фе и Тукумана. Если правительство посылало своего интервентора в Кордову, то Студенческая федерация Буэнос-Айреса также направила в Кордову своего председателя Грегорио Берманна⁸. Он призвал всех аргентинских студентов и прогрессивное общество к единению и солидарности в борьбе за подлинные идеалы и демократические институты, противостоящие аристократическому элитаризму старого университета, да и всей политической системе страны⁹.

Правительство радикалов смогло провести многие изменения, которые требо-

вала молодёжь. Преподаватели стали выбирать ректоров и деканов, но студенты не участвовали в этих выборах и в тот момент этого даже не требовали. На первых же выборах FUA поддержала кандидатуру ректора реформатора [Portantiero, 1978: 38]. Однако расклад сил внутри совета университета был не в пользу реформаторов, и на выборах в июне 1918 г. победил кандидат консерваторов, что вызвало взрыв возмущения студентов. Поражение прогрессивного кандидата сплотило либеральную профессуру и студентов, движение которых вышло за рамки профессионального протеста. Как только огласили результаты голосования, студенты разгромили актовый зал университета, вынудили полицию покинуть его территорию. Группа молодых людей даже попытались поджечь стоящее рядом здание Миссии иезуитов. Студенты объявили забастовку и обратились к студенческим федерациям страны с призывом поддержки и солидарности. При поддержке FUA студенты и часть профессуры всех университетов присоединились к забастовке¹⁰.

Студенты призвали рабочих поддерживать их требования. Лидером Рабочей федерации Кордовы тогда был Мигель Контрерас, в будущем видный деятель компартии и Коминтерна. Он первый заявил о солидарности и совместных действиях со студентами. Требования студентов поддержала Социалистическая партия. В свою очередь студенты поддержали забастовочное движение рабочего класса, заявляя, что оно не является «ни подрывным, ни опасным», а отражает борьбу людей за лучшую, достойную жизнь и условия работы. Их газеты указывали, что рабочий класс в своей борьбе ничем не отличался от студенчества и являлся его естественным союзником¹¹.

⁷ La Federación Universitaria de Buenos Aires y los señores delegados del exterior // Boletín de la Federación Universitaria. — 1918. — Abril (Suplemento Nº3). — P. 64.

⁸ В будущем яркий политический деятель, близкий компартии Аргентины.

⁹ Del señor Gregorio Bermann, enviado especial de la F.U. de Buenos Aires a Córdoba // Boletín de la Federación Universitaria. — 1918. — Abril (Suplemento Nº3). — Pp. 56-57.

¹⁰ El Conflicto universitario en Córdoba // Boletín de la Federación Universitaria de La Plata. — 1918. — Junio (Nº1). — P. 4.

¹¹ Bases. Tribuna de la Juventud. — 1919. — 31 de mayo (Nº 1). — P. 2.

Один из лидеров социалистов, первый депутат-социалист в Латинской Америке, Альфредо Паласиос 23 июня 1918 г. выступил с яркой речью перед 9-ти тысячным митингом в Буэнос-Айресе, призвав все прогрессивные силы проявить солидарность и поддержать студентов. Он говорил о прямой связи студенческих требований демократизации и модернизации образования с политической борьбой за реформы не только в стране, но и на всем континенте [Bergel, 2008: 171]. Движение стало приобретать общеконтинентальный резонанс.

Идеологически движение всё более приобретало черты антиолигархического и модернизационного. Громче звучала тема общих для всех стран континента проблем отсталости по вине консервативной олигархии. Клерикально-консервативная Кордова стала символом противостояния свободе и прогрессу, а студенты кордовского университета — авангардом борьбы за демократию. Ещё в самом начале движения, на собрании основания FUA Мануэль Угарте указал, что цели и задачи движения студентов в Аргентине ничем не отличаются от той борьбы, которую ведут в соседних странах, например в Чили. Он указывал на новый смысл борьбы, выходящей за рамки узкогрупповых интересов студентов — политическая демократическая реформа в континентальном масштабе¹².

Через 6 дней после так называемых выборов в университете в Кордове и взрыва студенческого возмущения, 21 июня увидел свет важнейший документ Университетской реформы, вошедший в историю как «Пороговый манифест» (*Manifiesto liminar*) — «Университетская молодёжь Кордобы к свободным людям Южной Америки». Манифест был составлен ключевой фигурой всего университетского движения Деодоро Рокой.

Манифест выдвигал требование участия студентов в университетском самоуправлении. Его требования демократизации и преодоления кастовости, отсталости

выходили за рамки университетской жизни, в общеполитическую сферу. Более того, манифест констатировал общеконтинентальный характер борьбы студентов против «старого» режима, засилья олигархии и отсталости. Манифест декларировал: «Наша боль — это отсутствие свободы. Мы думаем, что мы не ошибаемся, и наше сердце нас убеждает в этом. Мы вступили в революцию, мы переживаем время пробуждения Америки» [Cúneo, 1980: 3]. Манифест с его радикальной риторикой произвёл большое впечатление во всех странах континента, а студенческое движение стало ассоциироваться с левыми политическими течениями.

Д. Рока и другие идеологи реформы эволюционировали влево, от либерализма и ариэлизма к латиноамериканизму и социализму. Рока писал: «Мы ходим по земле Америки, но не живём на ней. Новые поколения начинают жить в Америке, думая о проблемах Америки, начиная интересоваться теми силами, которые нас возбуждают и нас ограничивают, отказываясь от литературно-экзотического взгляда на наши страны, обращаясь к нашей боли, требуя ликвидации тех препятствий, которые мешают расширению жизни в наших землях, мешают радости в наших домах... Мы должны открыть для себя и понять нашу реальность» [Cúneo, 1980: 147].

С утверждением лидерства Роки в движении реформы появилось течение, которое обращалось к социальным проблемам всего общества, предлагало общеконтинентальный взгляд на проблему реформы и революции. Мотивы социальной солидарности, ответственности университета, образованных людей перед отсталыми и невежественными массами всё более уступали место общеполитическим и социальным проблемам, требованиям решения рабочего вопроса и более решительной демократизации политической системы, что свидетельствовало об эволюции в сторону левых партий [Portantiero, 1978: 48.]. Студенческая пресса говорила о социальной

¹² Del Señor Manuel Ugarte // Boletín de la Federación Universitaria. — 1918. — Abril (Suplemento N°3). — P. 64.

реформе, под которой понималось решение проблемы прав и социальных гарантий рабочему классу, что давало повод консерваторам обвинить студенческое движение в переходе в лагерь социалистов¹³.

Перед лицом усиления конфронтации со студенческим движением 2 августа 1918 г. президент Иригойен подписал декрет, назначивший нового интервента федеральной власти в Университет, аннулировав результаты выборов ректора, чего требовали студенты. Новым интервентором стал Т. Сусини, человек либеральных убеждений, уже продемонстрировавший свою солидарность со студентами. Однако под давлением правых президент отложил поездку Сусини в Кордову, что вызвало новые демонстрации.

Конфликт перерастал в общенациональный кризис, всё более затрагивая социальные вопросы: студенты общались с рабочими города, агитировали в низах. Это новое направление Реформы выразил в своей речи молодой адвокат Саул Таборда, ставший одним из лидеров движения: «Мы выступаем против любого эгоизма, который привёл к концентрации богатства в одних руках. Мы против всех монополий и против сверхнакопления» [Portantiero, 1978: 52].

9 сентября 1918 г. студенты вновь заняли здание университета и приняли на себя управление, назначив своих деканов факультетов из числа студенческих активистов. Были задействованы войска, очистившие университет и арестовавшие 83 активиста. Теперь Иригойен направил в Кордобу министра просвещения для решения этой проблемы. Министр удовлетворил большинство требований студентов, прежде всего о составе управляющего университетского совета: отныне он состоял на паритетной основе из профессуры и студентов. Это была победа, компенсировавшая горечь репрессий военных. Это было рождение нового университета не только в Латинской Америке, но и в мире. Понятие университетской автономии приобрело

новые очертания и смыслы, прежде всего в сфере самоуправления, впервые в истории студенты получили право участия в управлении университета. По примеру Кордовы другие университеты получили подобные уставы, а в 1921 г. все аргентинские университеты были выведены из-под влияния и контроля местных властей, элит, церкви, но на деле стали зависеть от центральных властей, что тем не менее было определённым продвижением, учитывая, что у власти в стране находились реформаторы из радикальной партии [Historia de América Latina, 1992: 101].

Университетская реформа означала огромный шаг вперёд в демократизации аргентинского общества, хотя на деле собственно университетские дела остались в рамках профессионального, в целом закрытого, сообщества [Tünnermann Bernheim, 2008: 17]. Хотя вместе с поворотом вправо в политике правительства Иригойена были проведены некоторые контрреформы, ограничившие самоуправление университетов, старые порядки уже было невозможно восстановить, а студенческое движение завоевало себе место в политическом процессе в стране. Победа студенческого протеста в 1918 г., совпавшего по времени с революционным подъёмом в Буэнос-Айресе и Патагонии, вызванном отчасти революционными событиями в России и Европе, привела к глубокой демократической трансформации Аргентины в годы правления Партии радикалов. Пример Аргентины через сети интеллектуалов и прогрессивных политиков, видевших перед собой общего и векового врага — клерикализм и консервативную олигархию, распространился на все соседние страны.

Латиноамериканская сеть

Кордовская реформа завоевала весь континент. Новости об аргентинских событиях, революционизировавшие студентов во всех странах, попали на подготовленную почву. Практически сразу образова-

¹³ Reforma social y violencia // Bases. Tribuna de la Juventud. — 1919. — 7 de julio (№ 2). — P. 2.

лась сеть взаимодействия и обмена идеями между федерациями студентов разных стран, выбравших для себя маяком реформы в Аргентине. В отличие от профсоюзов или политических партий в студенческом движении не было вертикальной структуры даже на национальном уровне. Федерации формировались как всего рода «советы старшин», из числа самых популярных людей, чаще всего даже не из студентов, а молодых интеллектуалов. Это были горизонтальные структуры, позволявшие сохранять единство действий и общие идеологические установки в условиях ограниченного по возрасту и времени (пока учились в университете) участия в движении.

Ещё до событий в Кордове между федерациями устанавливались личные контакты, как например, между Чили и Аргентиной, Мексикой и Аргентиной. Особенно важными были связи аргентинских студентов с мексиканскими, представлявшими страну, переживавшую социальную революцию, в рамках которой решался и университетский вопрос. Визиты студенческих делегатов Мексики в Аргентину внесли свой вклад в радикализацию местного движения. Примечательно, что мексиканские студенты в этих поездках поддерживались властями революционной Мексики¹⁴.

Собравшийся в Мехико в 1921 г. Международный конгресс студентов проходил под лозунгами реформы, солидаризма и латиноамериканизма. В этом конгрессе участвовали представители Аргентины, Мексики, Коста-Рики, Кубы, Перу, Венесуэлы, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Доминиканской республики. Также прибыли делегации Китая, Германии, США, Норвегии, Японии и Швейцарии. Фактически это был конгресс с преобладанием не только численно делегаций латиноамериканских стран, что естественно по месту проведения конгресса, но и по обсуждаемой тематике, так как континент находился в авангарде трансформаций университетской жизни.

Движение студентов создало сеть своих сторонников во всех странах континента. Огромную роль в этом сыграла пресса, толстые журналы, прежде всего, аргентинские. Протест и реформа привели к появлению самых разнообразных образовательных, культурно-политических журналов, так или иначе связанных с университетским движением. Эти издания достигали самых удалённых уголков континента. Аргентинская культура, влияние аргентинской общественной мысли в регионе было огромным, и аргентинская печать смогла создать целую сеть обществ и лиц, разделавших идеи движения.

С началом движения в Кордове и его «расползания» по всей стране и по континенту произошло своего рода «наводнение» повсюду возникавших общественных журналов, напрямую связанных с университетской реформой. Речь идёт не только об органах FUA или FUBA, но и газет, журналов, которые возглавляли видные интеллектуалы, крупные фигуры политической и культурной жизни. Стоит упомянуть такие издания как «Bases. Tribuna de la juventud» (1919–1920), «Clarín. Órgano del Ateneo de Estudiantes universitario» (1919–1920), «Verbo Libre. Órgano del Centro Evolución» (Rosario, 1920), «Germinal» (La Plata, 1919–1921), «Alborada. Órgano del ateneo estudiantil» (1919–1920), «Mente. Revista de crítica social» (Córdoba, 1920) и многие другие [Бустело, 2021: 190]. Эти издания стали основой строительства сети студенческой солидарности и связи не только внутри Аргентины, но и в соседних странах. В Чили эту роль играли журналы «Claridad», «Juventud», в Уругвае — «Ariel» [Biagini, 2002: 290]. Это было своего рода созвездие дружественных изданий, оказывавших взаимное влияние и игравших заметную роль в политике.

На крайнем левом фланге выделялся анархо-большевистский журнал *Insurrexit*, являвшийся выражением левого прочтения движения. На его страницах говорили о связи движения с мировыми событиями, такими как Мировая война и Русская рево-

¹⁴ Recepción de los estudiantes mejicanos // Boletín de la Federación Universitaria. — 1918. — Enero (№2). — P. 31.

люция, подчёркивали их значение в осознании народом «священного права на восстание», провозглашённого «Пороговым манифестом» в Кордове [Tarcus, 2018: 107–108.]. Вместе с тем, ощущение нового мира, идущего из России, солидарность с русской революцией были свойственны всем изданиям бунтующего студенчества¹⁵. Эта крайне левая группа анархо-большевиков в отличие от общего оптимистического хора считала, что движение студентов потерпело поражение, так как не пошло на объединение с пролетариатом во имя завоевания социализма [Terán, 2004: 45].

Латиноамериканизм, декларируемый студенческим движением в Аргентине, должен был вылиться в создание сети сторонников реформы во всех странах региона. Сначала эту задачу выполняла пресса: по континенту широко распространялись тексты, декларации, газеты и журналы. Затем большую роль в создании сети сыграли поездки по соседним странам аргентинских лидеров движения. С ростом движения свой опыт распространяли перуанцы, кубинцы, мексиканцы, создав оживленный обмен идеями в прямом контакте со своими коллегами из соседних стран [Buchbinder, 2018: 89–90].

Аргентинские студенты, их лидеры, считали своим долгом перенести свой опыт реформы в другие страны. Во все соседние страны потянулись делегации аргентинской федерации студентов, неизменно встречая там восторженный приём. В 1919 г. такая делегация отправилась в Бразилию¹⁶. Дело доходило до турне многочисленных аргентинских групп студентов и интеллектуалов по соседним странам. Однако самыми успешными стали связи с Перу.

В июне 1919 г. под влиянием Кордовы в Лиме начались забастовки студентов с лозунгами, воспринятыми у аргентинских товарищей. В тот же год в Лиму прибыл депутат-социалист и энтузиаст реформы

Альфредо Паласиос, выступления которого перед студентами вызвали всеобщий восторг. Его приезд стал тем толчком, который привёл к началу так называемой «университетской революции»¹⁷. Среди студенческих лидеров Перу выделился будущий создатель партии АПРА (Американский народно-революционный альянс) Виктор Рауль Айя де Ла Торре. Именно Паласиос свёл Айя де Ла Торре с лидерами аргентинских студентов Габриэлем де Масо и Эктором Рипа Альберди, которые позже посетили Перу для переговоров со своими перуанскими коллегами. Из этих контактов с Айя де Ла Торре родился Аргентинско-перуанский договор между студенческими федерациями о солидарности и поддержке [Bergel, 2008: 172]. Неординарная фигура Айя де Ла Торре, его активность способствовали тому, что перуанское движение стало своего рода локомотивом развития сети студенческой солидарности. Его усилия распространялись на все соседние страны.

В Перу сложилась специфическая ситуация: в июле 1919 г. произошёл переворот, приведший к власти диктатора А. Легию, которого в тот момент благодаря его антиконсервативной риторике поддерживали студенты. В ответ на это Легия в сентябре 1919 г. принял многие положения кордовской реформы, которые были введены в перуанский университетский статут.

Вместе с тем, в Перу сложился союз студенческого движения и рабочих Лимы. В 1921 г. Айя де ла Торре создал Народный университет, отвечая на одно из главных положений кордовских манифестов: нести знания и просвещение в народные массы есть долг студенчества. Более того, Народный университет создавался под лозунгом: «У народного университета нет другой догмы как социальная справедливость». В решении студенческого конгресса о создании Народного университета говорилось: «Народный университет будет принимать

¹⁵ Bases. Tribuna de la Juventud. — 1919. — 10 de septiembre (№ 4). — P. 1.

¹⁶ La misión universitaria al Brasil // Bases. Tribuna de la Juventud. — 1919. — 31 de mayo (№ 1). — P. 8.

¹⁷ Porras Barrenechea R. Aniversario de la Revolución Universitario del Perú // Cuasimodo. — 1920. — Agosto (Tomo 4. № 14). — P. 12.

участие во всех трудовых конфликтах в стране, защищая принципы социальной справедливости» [Cúneo, 1980: 31]. По перуанскому примеру на Кубе, в Боливии и в других странах студенты также создали Народные университеты.

В Перу особенно явно проявилось культуртрегерское направление студенческого движения. Помимо просвещения рабочих и индейских масс, чем собирались заняться студенты при полной пассивности государства в этой сфере, они ставили своей первоочередной задачей изменение колониалистского характера всей перуанской креольской культуры. Они называли это новыми «ориентирами» для перуанской литературы, под чем понимался весь комплекс культурных и этических ценностей в обществе, нуждавшемся в целостной реформе¹⁸.

Уже в 1923 г. Легия заключил союз с консервативной олигархией и обрушился с кровавыми репрессиями на студентов. Их лидер Ая де ла Торре был выслан из страны. В эмиграции он создал АПРА, партию, которую рассматривал как общелатиноамериканскую, претендуя на создание новой идеологии — индоамериканизма, примирявшего марксизм, революцию, антиимпериализм и национализм. Этот латиноамериканизм был одним из наследий Университетской реформы. Недаром эта партия задумывалась не как перуанская, какой она стала после 1930 г., а как обще-континентальная в полном соответствии с духом движения университетской реформы. Она даже называлась Американским народно-революционным альянсом. Ая де Ла Торре ввиду отката реформы во всех странах, в том числе и в Аргентине, пришёл к выводу, который разделяли и другие выдающиеся деятели реформы, такие как Х.А. Мелья на Кубе, что реальная университетская реформа возможна лишь в условиях социальной революции, глубокой трансформации всего общества [Portantiero, 1978; 66].

Ая де ла Торре выделил один, и на его взгляд, главный пункт прогрессивного студенческого движения — антиимпериализм и национализм. Он положил начало революционному циклу антиимпериалистических популистских движений, опиравшихся на союз средних слоев и рабочего класса. Будущий основатель компартии Перу, мыслитель, самый яркий представитель латиноамериканского марксизма Х.К. Мариатеги, опираясь на опыт студенческого бунтарства, говорил о союзе интеллигенции-студенчества с рабочим классом как ведущей силы в будущей революции [Chevalier, 2005: 414].

Перу и Аргентина оказывали революционизирующее влияние на Боливию, где студенческое движение только набирало силу. Одновременно с поездкой в Лиму Альфредо Паласиос побывал в Ла-Пасе в Боливии, где выступал перед рабочими и студенческими аудиториями. Успех его визита был необыкновенный. Последователи аргентинской реформы в Боливии стали издавать «бунтарские» журналы. Первым таковым стал *Insurrexit*, копировавший название и формат у своего собрата из Буэнос-Айреса. Его издавала группа студентов из Потоси. В журнале пропагандировали — помимо университетской реформы — латиноамериканизм и антиимпериализм [Stefanoni, 2015: 111–112].

Аргентина как магнит притягивала к себе лидеров молодёжи из соседних стран. Они перебирались в эту страну, набирались политического опыта, который переносили в свои страны. Примером какого типа людей, активистов реформы, являлся боливиец Роберто Инохоса. Он был студенческим лидером, опасным в глазах властей агитатором. Его выслали из страны. Первым местом эмиграции стала Аргентина. В Буэнос-Айресе, а затем в Монтевидео (Уругвай) он включился в политическую деятельность, активно работал в радикальных студенческих организациях. Красноречие и неиссякаемая энергия сделали

¹⁸ El primer Congreso de la Federación de Estudiantes del Perú // Repertorio Americano. — 1920. — 1 de marzo (№ 14). — Pp. 223–224.

его знаменитым [Abecía López, 1986: 98]. Инохоса занял видное место в местном студенческом движении, олицетворяя его левый фланг. В 1925 – 1926 гг. он сотрудничал в газете «La Crítica» в Буэнос-Айресе, являвшейся одной из самых влиятельных и известных на всем континенте, поддерживавшей движение университетской реформы. Там он писал статьи, наполненные социальным протестом и революционным пафосом.

В 1926 г. в Боливию с пропагандистским турне приехали с десятков аргентинских, уругвайских и бразильских студенческих лидеров, завоевавших большую популярность благодаря своему красноречию и оригинальности радикальных идей. Эти делегаты развернули большую кампанию в поддержку идей Реформы, создали местную базу появления радикального левого молодёжного движения, которое вылилось в создание Университетской федерации Боливии в 1928 г. во главе с Хосе Антонио Арсе, который до этого побывал в Аргентине, изучая опыт просвещения в этой стране.

В эту группу пропагандистов входил и Роберто Инохоса. Успех этой пропагандистской поездки был велик. Имя Инохосы стало известно всей стране, он стал популярным политическим деятелем, с которым стали заигрывать власти. Президент Э. Силес, видевший в молодёжи базу поддержки своей реформистской программы, назначил Инохосу секретарем боливийского посольства в Бразилии.

В Бразилии, невзирая на свой дипломатический статус, Инохоса вновь с головой окунулся в деятельность местных студенческих и революционных организаций самого радикального толка. Он по-прежнему оставался корреспондентом аргентинской «La Crítica», а также писал многочисленные статьи в студенческую «Folha acadêmica» в Сан-Пауло, которая была трибуной университетской реформы, социалистических и антиимпериалистических идей¹⁹. Инохоса был ярким представителем сети студенческой солидарности, существовавшей на

континенте, его деятельность охватывала все соседние Боливию страны. Его политическая судьба вела его от университетской борьбы за прогрессивный устав и модернизацию образования к самым радикальным левым политическим формам, к социализму. Его активная деятельность распространилась на Боливию, Аргентину, Уругвай, Бразилию и Мексику [Щелчков, 2007: 69–96]. Он был ярким представителем континентальной сети студенческого движения.

В Венесуэле партия революционного национализма Демократическое действие, местная версия апризма, была создана лидером студенческого движения Р. Бетанкуром в ответ на репрессии против движения за университетскую реформу в этой стране. В таких странах как Венесуэла, где господствовали диктатуры, университетские, исключительно профессиональные и корпоративные интересы студентов и профессоров, отошли на второй и даже третий план перед политическими, общедемократическими задачами. Однако студенчество во своими специфическими требованиями везде, в Перу, Венесуэле, на Кубе, стало активным действующим лицом антидиктаторской борьбы.

На Кубе борьбу возглавил Хулио Антонио Мелья, будущий лидер коммунистов. Там движение, возникшее под прямым воздействием аргентинского и перуанского, было особенно радикальным, выбрав революционный путь союза с рабочим движением [Ивкина, 2016: 100–124]. Мелья заявлял, что университетская реформа на Кубе возможна только как часть социальной революции [Donoso-Romo, Contreras-Mühlenbrock, 2017: 58].

В 1923 г. собрался общенациональный студенческий конгресс, на котором была создана Студенческая конфедерация Кубы. Этот конгресс принял декларацию, в которой говорилось: «Студент обязан нести свои знания в общество, прежде всего в пролетарскую среду, так как пролетариат является естественным союзником

¹⁹ Secretaria de Relaciones Exteriores. Archivo Histórico Genaro Estrada. México. Roberto Hinojosa. Fondo 21, legajo 26, expediente 108.

умственного пролетариата. Мы должны сблизиться с людьми труда во имя строительства нового общества, свободного от тиранов и паразитов, где будет цениться только то, что создано своими руками» [Portantiero, 1978: 191]. Кубинское движение осознавало себя как часть общеконтинентального и международного движения молодёжи.

В Чили, где политические и культурные связи с Аргентиной были сильны как нигде, студенческий вызов стал частью политической повестки. В 1918 г. два чилийских студента отправились в Буэнос-Айрес, чтобы на месте познакомиться с аргентинским феноменом реформы. Они вступили в контакт со Студенческой федерацией, где из первых рук получили информацию о содержании борьбы студентов в Кордове и распространили затем в Чили. Любопытно, что чилийские делегаты в полном соответствии со своими левыми убеждениями объявили, что аргентинцам ещё много предстоит сделать, ибо их реформа должна иметь социальный характер²⁰. Так складывалась международная сеть борьбы за свободный университет. Вскоре чилийцы установили тесную связь с перуанцами, а в 1922 г. в Сантьяго прибыл перуанский лидер Айя де Ла Торре [Бустело, 2021; 191]. Его поездка в Чили была особенно важна, учитывая сложные отношения двух стран, между которыми по-прежнему оставался нерешенным вопрос о чилийской оккупации провинций Такна-Арика.

В Чили это было время острого столкновения старой консервативно-либеральной олигархии и реформистского блока во главе с Артуро Алессандри, который обвинялся чуть ли в не большевистских симпатиях [Эстенсоро Сааведра, 2008: 132–161]. Студенты внесли свой вклад в это противостояние. В 1920 г. в Сантьяго состоялся первый общенациональный студенческий конгресс. Студенты поддержали на президентских выборах кандидатуру Алессандри, обещавшего провести универ-

ситетскую реформу. Победив на этих выборах, тот предпочел репрессии против студенческого движения.

Создававшиеся почти одновременно по всему континенту Студенческие федерации, декларировавшие общие идеи и цели своего движения, активно взаимодействовали друг с другом, формируя своего рода региональный неформальный «интернационал». В 1921 г. представители федераций Аргентины, Перу и Чили подписали двусторонние соглашения солидарности, в которых заявляли, во-первых, об «активной пропаганде идеала американизма», и во-вторых, об «изучении проблемы общественного строя, при строгой и вдумчивой критике современного общества, его моральной и интеллектуальной жизни». Соглашения закрепляли на бумаге уже сформировавшуюся сеть студенческих организаций, которые должны были развивать «интеллектуальный обмен посредством книг, научных, исторических, литературных, социологических и художественных исследований, которые подлежало поддерживать специальным комиссиям в федерациях» [Cúneo, 1980: 19–20]. Возникшая в ходе реформы сеть составила основу формирования в недалёком будущем новых прогрессивных политических и общественно-культурных течений на континенте, вышедших из горнила Университетской реформы 1918 г.

Последствия Кордовы

Реформу поддержали интеллектуалы «поколения 1910 г.», выдающиеся представители культуры Хосе Инхеньерос, Мануэль Угарте, Хосе Васконселос, и другие. Их взаимные контакты, постоянные связи, переписка послужили основой распространения и поддержки идей университетской реформы во всех странах региона. В 1922 г. они создали Латиноамериканский союз²¹, ставший результатом сети латиноамериканских интеллигентов, сформировавшей-

²⁰ Schneider J. Viaje de los delegados a la Argentina // Juventud. — 1918. — Noviembre-diciembre (№ 3). — P. 72.

²¹ В 1922 г. о Союзе было объявлено Х. Инхеньеросом и Х. Васконселосом, во время визита последнего в Буэнос-Айрес. В 1925 г. Союз был формально основан одновременно в Буэнос-Айресе и в Париже.

ся в ходе Университетской реформы как необъявленной партии прогресса и латиноамериканизма в масштабе всего континента.

Союз заявлял своё антиимпериалистическое кредо и говорил об опоре на интеллигенцию и студенчество. Его деятели заявляли: «Латиноамериканский Союз стремится координировать свои действия с писателями, интеллектуалами и учителями Латинской Америки с целью развития в народе осознания необходимости национальных и континентальных действий как предварительной фазы политического, экономического и морального взаимопроникновения, которое приведет нас к созданию Конфедерации, которая гарантирует нам независимость и суверенитет перед лицом иностранных капиталистических государств». Союз провозглашал своей целью не только борьбу за моральное и культурное обновление, но и за «экономические реформы, вдохновляемые принципами социальной справедливости»²².

В движении университетской реформы приняли участие многие будущие видные политические деятели на континенте. Их активность в студенческом движении была эпизодом в их политической жизни, но именно из этой среды вышли группы, создавшие или влившиеся в новые политические партии и течения. Многие лидеры движения студентов говорили об общей с пролетариатом борьбе за социальную справедливость и новое общество²³. Эта тенденция вела их в ряды социалистов и коммунистов, и даже те, кто остался в рядах радикализма или либерализма, выдвигали задачи создания социального государства. Главным его наследником движения стал революционный национализм, апризм.

Айя де Ла Торре был создателем АПРА, Мелья — компартии Кубы. Д. Рока стал убеждённым социалистом и был близок коммунистам. Университетская реформа

стала основой новой политической палитры на континенте в 1920-1930-е гг., была прародительницей новых политических течений и партий, коммунистов, социалистов, индоамериканистов. В 1920-е гг. в студенческом движении часто звучали лозунги: «Время ехать в Москву». Речь шла о том, что пора искать в социализме и коммунизме продолжение борьбы за Университетскую реформу, другой путь — тупиковый²⁴.

По убеждению многих вождей движения, университетская реформа открывала эпоху социальной революции, без которой первая не могла быть основательной и прочной. Вслед за реформой возникла острая дискуссия о социализме, рабочем классе и демократии, разделив лидеров движения и их последователей. Сформировались два лагеря — революционного национализма и коммунизма, хотя в начале 20-х у их лидеров оставались иллюзии возможного союза и взаимодействия. Основатель первого течения Айя де ла Торре отдал дань иллюзии союза с Коминтерном. В собственно студенческом движении это разделение было представлено поляризацией на тех, кто делал ставку на союз студенчества и рабочего класса, и тех, кто по-прежнему говорил о «мессианской» роли молодёжи в обществе [Portantiero, 1978: 77]. Последние имели прочные идейные корни не только в студенческом движении, но и в широких кругах как левой, так и правой интеллигенции, затем эволюционировавшей к фашизму. В основе этого был не только примитивный «ариелизм» Э. Родо, но и «теория поколений» Х. Ортеги и Гассета, популярнейшего на континенте испанского мыслителя, переносившего социальный конфликт в область поколенческого столкновения ценностей, силы, воли. Это направление разделяло страх Ортеги перед массами, стремилось сохранить элитистские черты движения средних

²² Campos Aguirre L. Bases para construir la Unión Latinoamericana // Renovación. Boletín mensual de ideas, libros y revistas de la América Latina. — 1923. — Enero. — P. 4.

²³ Bosquejo de nuestras luchas // Alborada. Órgano del Ateneo estudiantil. — 1920. — Agosto (№ 4). — P. 1.

²⁴ Moscú // Alborada. Órgano del Ateneo estudiantil. — 1920. — Agosto (№ 4). — P. 7.

слов.

Университетская реформа 1918 г. в Аргентине была ключевым событием в латиноамериканской истории XX в. Это было явление новой бунтующей молодёжи, написавшей на своих знаменах лозунги свободомыслия, социальной справедливости, борьбы за новое общество. Движение реформы охватило весь континент и, опираясь на формирующуюся снизу сеть студенческой солидарности и идейного обмена, стала общественно-политическим и культурным фундаментом, на котором выросли новые политические и идейно-культурные течения, которые представляли лицо континента, как минимум, в первой половине века. Индоамериканизм (в советской традиции чаще называемый национал-реформизмом), вышедший из университетской реформы с её латиноамериканизмом и антиимпериализмом, занял доминирующее положение практически во всех

странах континента. Сеть студенческих организаций, кружков, личных контактов была унаследована индоамериканизмом (революционным национализмом), сделала возможным тотальное проникновение его идей, ставших доминирующим политическим трендом. Из преследуемого и гонимого революционный национализм со временем стал правящим и гегемонистским практически во всех странах континента. Это была премьера такого нового явления как сетевая система организации, позволившая сделать первые шаги этому политическому движению, что потом было предано забвению, когда оно превратилось в доминирующую политическую силу в своих странах, а партии построили вертикалистскую структуру. Значение университетской реформы простирается гораздо дальше безусловно прогрессивных достижений в жизни высшей школы.

Список литературы:

- Бустело Н. Реформировать университеты, революционизировать общество. Латиноамериканское студенческое движение // Латиноамериканский исторический альманах. — 2021. — № 31. — С. 183–199. <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2021-31-1-183-199>
- Ивкина Л.А. Хулио Антонио Мелья. Жизнь после смерти // Латиноамериканский исторический альманах. — 2016. — № 17. — С. 100–124.
- Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. Москва: АСТ, 2017. — 379 с.
- Щелчков А.А. Роберто Инохоса: пламенный революционер или «креольский Геббельс» // Латиноамериканский исторический альманах. — 2007. — № 7. — С. 69–96.
- Эстенсоро Сааведра Х.Ф. Тема русской революции на президентских выборах 1920 г. (исследование на основе прессы) // Латиноамериканский исторический альманах. — 2008. — № 8. — С. 132–161.
- Abecia López V. 7 Políticos bolivianos. — La Paz: Juventud, 1986. — 202 p.
- Bergel M. Latinoamérica desde abajo. Las redes transnacionales de la Reforma Universitaria (1918-1930) // La reforma universitaria: desafíos y perspectivas noventa años después. — Buenos Aires: CLACSO, 2008. — Pp. 146 – 185.
- Biagini H. Redes estudiantiles en el Cono Sur (1900-1925) // Universum. — 2002. — № 17. — Pp. 279 – 296.
- Buchbinder P. Pensar la reforma universitaria cien años después // Revista iberoamericana de educación superior. — 2018. — Vol. 9, №. 25. — Pp. 93–105. <https://doi.org/10.22201/iisue.20072872e.2018.25.279>
- Chevalier F. América Latina. De la Independencia a nuestros días. — México: FCE, 2005. — 777 p.
- Cúneo D. La Reforma Universitaria: (1918–1930). — Caracas: Biblioteca de Ayacucho, 1980. — XXIII, 312 p.
- Donoso-Romo A., Contreras-Mühlenbrock R. La dimensión social del movimiento estudiantil de Córdoba en 1918 // Izquierdas. — 2017. — № 33. — Pp. 42–65. <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-50492017000200042>
- Historia de América Latina: 10. América del Sur, c. 1870-1930. / ed. L. Bethell. — Barcelona: Crítica, 1992. — IX, 541 p.

Moyano J. La Reforma Universitaria Cordobesa de 1918: Contextos y protagonismos // *Caracol*. — 2018. — № 16. — Pp. 106–129. <https://doi.org/10.11606/issn.2317-9651.v0i16p106-129>

Portantiero J.C. Estudiantes y la política en América Latina. El proceso de la reforma universitaria (1918-1938). — México: Siglo XXI, 1978. — 462 p.

Stefanoni P. Los Inconformistas del Centenario. Intelectuales, socialismo y nación en una Bolivia en crisis (1925-1939). — La Paz: Plural, 2015. — 384 p.

Tarcus H. Dí tu palabra y rómpete: El corto verano del Grupo Universitario Insurrexit y su revista // *Variaciones del reformismo. Tiempos y experiencias*. — Rosario: FHUMYAR ediciones, 2018. — Pp. 98–137.

Terán O. Ideas e intelectuales en la Argentina, 1880-1980 // *Ideas en el siglo. Intelectuales y cultura en el siglo XX latinoamericano*. — Buenos Aires: Siglo XXI, 2004. — Pp. 13–95.

Tünnermann Bernheim C. La Reforma de Córdoba. Vientre fecundo de la transformación universitaria // *La reforma universitaria: desafíos y perspectivas noventa años después*. — Buenos Aires: CLACSO, 2008. — Pp. 16–19.

Tünnermann Bernheim C. La reforma universitaria de Córdoba // *Educación superior y sociedad*. — 1998. — Vol. 9, №1. — Pp. 103–127.

References:

Abecia López, V. (1986) *7 Políticos bolivianos*, La Paz: Juventud.

Bergel, M. (2008) 'Latinoamérica desde abajo. Las redes trasnacionales de la Reforma Universitaria (1918-1930)' in *La reforma universitaria: desafíos y perspectivas noventa años después*, Buenos Aires: CLACSO, Pp. 146–185.

Bethell, L. (ed.) (1992) *Historia de América Latina: 10. América del Sur, c. 1870–1930*, Barcelona: Crítica.

Biagini, H. (2002) 'Redes estudiantiles en el Cono Sur (1900–1925)', *Universum*, (17), Pp. 279–296.

Buchbinder, P. (2018) 'Pensar la reforma universitaria cien años después', *Revista iberoamericana de educación superior*, 9(25), pp. 93–105. <https://doi.org/10.22201/iisue.20072872e.2018.25.279>

Bustelo, N. (2021) 'Reform universities, revolutionize societies. The Expansion of a Latin American Student Movement', *Latin-american Historical Almanac*, (31), Pp.183–199. (In Spanish) <https://doi.org/10.32608/2305-8773-2021-31-1-183-199>

Chevalier, F. (2005) *América Latina. De la Independencia a nuestros días*, México: FCE.

Cúneo, D. (1980) *La Reforma Universitaria: (1918–1930)*, Caracas: Biblioteca de Ayacucho.

Donoso-Romo, A., Contreras-Mühlenbrock, R. (2017) 'La dimensión social del movimiento estudiantil de Córdoba en 1918', *Izquierdas*, (33), Pp. 42–65. <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-50492017000200042>

Estenssoro Saavedra, J.F. (2008) 'The Theme of the Russian Revolution during the Presidential Election of 1920', *Latin-american Historical Almanac*, (8), Pp. 132–161. (in Russian).

Hobsbawm, E. (2013) *Fractured Times. Culture and Society in the Twentieth Century*. New York: The New Press (Russ. ed.: (2017) *Razlomannoe vremja. Kul'tura i obshhestvo v dvadcatom veke*. — Moscow: AST.).

Ivkina, L.A. (2016) 'Julio Antonio Mella the Life after the death', *Latin-american Historical Almanac*, (17), Pp. 100–124. (in Russian).

Moyano, J. (2018) 'La Reforma Universitaria Cordobesa de 1918: Contextos y protagonismos', *Caracol*, (16), pp. 106–129. <https://doi.org/10.11606/issn.2317-9651.v0i16p106-129>

Portantiero, J.C. (1978) *Estudiantes y la política en América Latina. El proceso de la reforma universitaria (1918-1938)*, México: Siglo XXI.

Schelchov, A. (2007) 'Roberto Hinojosa: fervent revolutionary or a Creole Goebbels', *Latin-american Historical Almanac*, (7), Pp. 69–96. (in Russian).

Stefanoni, P. (2015) *Los Inconformistas del Centenario. Intelectuales, socialismo y nación en una Bolivia en crisis (1925–1939)*, La Paz: Plural.

Tarcus, H. (2018) 'Dí tu palabra y rómpete: El corto verano del Grupo Universitario Insurrexit y su revista' in *Variaciones del reformismo. Tiempos y experiencias*, Rosario: FHUMYAR ediciones, pp. 98–137.

Terán, O. (2004) 'Ideas e intelectuales en la Argentina, 1880-1980' in *Ideas en el siglo. Intelectuales y cultura en el siglo XX latinoamericano*, Buenos Aires: Siglo XXI, pp. 13–95.

Tünnermann Bernheim, C. (1998) 'La reforma universitaria de Córdoba', *Educación superior y sociedad*, 9(1), pp. 103–127.

Tünnermann Bernheim, C. (2008) 'La Reforma de Córdoba. Vientre fecundo de la transformación universitaria' in *La reforma universitaria: desafíos y perspectivas noventa años después*, Buenos Aires: CLACSO, pp. 16–19.

Информация об авторе

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, 119334, Москва, Ленинский проспект 32а (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Andrey A. Schelchkov — Doctor in History, Principal Researcher of the Institute of World History of Russian Academy of Science, Leninsky Prospect, 32a, Moscow, Russia, 119334 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 11.09.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 14.11.2021.

The article was submitted 11.09.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 14.11.2021.